

Сойдя с повозки, Лю Гуюй с остальными даже не взглянули на Чжоу Цяочжи и Цяо Хуэйлань и сразу направились в город. Чжоу Цяочжи ещё долго смотрела им вслед и не удержалась, чтобы не бросить пару злых слов. Цяо Хуэйлань, разумеется, снова принялась изображать добрую душу и стала её успокаивать.

А вот дядюшка Чжан лишь скривился и тихо пробормотал:

— Ну и театр.

Лю Гуюй с семьёй снова отправились в «Цяньцзиньтан». На приёме по-прежнему сидел тот самый доктор Ли. Память у старого врача была хорошая - увидев Цуй Ланьфан, он сразу узнал её и, поглаживая бороду, улыбнулся:

— Пришли? На повторный осмотр?

Лю Гуюй улыбнулся, помог Цуй Ланьфан сесть, положил её руку на подушечку для проверки пульса и только потом ответил:

— Да. После ваших лекарств матушке стало гораздо лучше, вот мы и пришли снова показаться.

Цуй Ланьфан тоже кивнула.

Настоящий врач всегда радуется, когда слышит, что больному стало легче. Доктор Ли довольно прищурился, кивнул и положил пальцы на её запястье, внимательно прощупывая пульс. Спустя некоторое время он улыбнулся ещё шире и удовлетворённо сказал:

— И правда стало лучше.

Эта болезнь была во многом «болезнью сердца» (образно: вызванной тревогами и переживаниями), и такое быстрое улучшение говорило о том, что у самой больной изменилось душевное состояние.

Подумав об этом, он продолжил:

— Хорошо, очень хорошо. Восстанавливается она неплохо, ещё немного, и станет совсем лучше. Продолжайте принимать те же лекарства, возьмите ещё на месяц. Через месяц снова приходите - посмотрим, нужно ли менять рецепт.

Старый врач не торопился и объяснял всё очень подробно, одновременно выписывая новый рецепт.

— Хотя здоровье и идёт на поправку, тяжёлой работы пока делать нельзя. Готовить, подметать можно понемногу, это даже полезно для тела. Но работа в поле, ношение воды или дров - категорически нет.

Закончив писать, он положил рецепт на стол.

Цинь Баньбань с детства тянулась к лекарскому делу, поэтому тут же склонила голову над бумагой, с любопытством разглядывая иероглифы. Ленты в её волосах качнулись вслед за движением.

Доктор Ли посмотрел на неё и с усмешкой спросил:

— Что, малышка, умеешь читать?

Услышав, что к ней обращаются, Баньбань инстинктивно вжалась за спину Цинь Жунши, но затем опомнилась и осторожно кивнула.

Доктор Ли с улыбкой продолжил расспрашивать:

— А понимаешь, что здесь написано?

Он спросил это просто так, не ожидая ответа, но Цинь Баньбань вдруг спокойно произнесла:

— Астра помогает лёгким и останавливает кашель, а солодка питает лёгкие и укрепляет селезёнку и ци.

Доктор Ли сначала опешил, а потом вдруг хлопнул себя по колену, словно что-то вспомнил:

— А-а! Точно! В прошлый раз этот гэр с юным господином приносили продавать тяньма и говорили, что травы собирала младшая сестра... Это ведь была ты?

От его слов щёки Баньбань слегка покраснели, но она всё равно кивнула.

Доктор Ли громко рассмеялся, поглаживая бороду:

— Хорошо! Какая умница... Была бы ты мальчиком, я бы тебя в ученики взял! Эх, жаль, видно, мне просто не повезло.

Цинь Баньбань лишь чуть склонила голову и ничего не ответила.

Цуй Ланьфан заметила, что за ними уже ждут другие больные, поспешно поднялась, уступила место и пошла к ученику за лекарствами. Когда всё было готово, она позвала своих, и семья вышла из клиники.

На улице Цинь Баньбань подняла голову и тихо спросила Лю Гуюя:

— Брат Лю... только мальчики могут учиться медицине?

Лю Гуюй тут же нахмурился и возразил:

— Кто тебе такое сказал?!

Цинь Баньбань серьёзно ответила:

— Все так говорят.

На самом деле она и сама понимала: никогда не слышала, чтобы девочка училась врачеванию. Но почему-то ей казалось, что у Лю Гуюя ответ будет другим. И действительно - Лю Гуюй взял её за руку, присел на корточки так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и сказал:

— То, что так говорят все, ещё не значит, что это правда. Вот люди твердят, что женщинам и гэрэм нельзя выходить торговать на улицу. Но посмотри - я и тётушка Линь всё равно продаём товары. И не хуже мужчин! Мы зарабатываем ничуть не меньше!

— Если мужчины могут учиться медицине, то почему женщины не могут? Учёба зависит от головы, а мозги у мужчин и женщин одинаковые. Раз мужчина способен научиться, значит, и женщина сможет. Баньбань, если ты захочешь, я обязательно придумаю, как отправить тебя учиться медицине.

От этих слов и Цинь Баньбань, и Цуй Ланьфан замерли. Особенно Цуй Ланьфан - всю жизнь она жила по правилам и никогда не слышала подобных, почти «бунтарских» речей. Слишком дерзко... но почему-то сердце всё равно тянулось к этим словам.

Самым спокойным оставался Цинь Жунши. Он уже не впервые слышал, как Лю Гуюй говорит о том, что хочет отправить Баньбань учиться медицине, поэтому не слишком удивился. И всё же невольно продолжал смотреть на него так пристально, будто взгляд прилип к его лицу.

В глазах Цинь Баньбань зажглось ожидание, но она всё равно тихо сказала:

— Но... такого ведь никогда не было.

Лю Гуюй ткнул её пальцем в лоб и улыбнулся:

— Не было раньше, значит, будет потом. Когда-то люди тоже не знали, что травы в горах могут лечить болезни. Всё ведь началось с того, что кто-то первым решился попробовать их. Всё меняется. Кто знает, может, через несколько тысяч лет девушки и гэры не только будут учиться медицине, но ещё и чиновниками станут.

Эти слова прозвучали ещё невероятнее, чем мысль о женщине-враче.

Цинь Баньбань распахнула глаза так, что они стали совсем круглыми, и даже рот приоткрыла от удивления:

— Правда?! Женщины тоже смогут быть чиновниками?

Лю Гуюй только рассмеялся и добавил:

— Кто знает! У человека должны быть мечты. Может быть, однажды люди вообще смогут летать по небу.

Сказав это, он взял Цинь Баньбань за руку и пошёл дальше.

Цуй Ланьфан до сих пор не могла прийти в себя и лишь спустя долгое время ошеломлённо пробормотала:

— Летать по небу??? Вот это уж точно мечты... о таком разве что во сне думать можно!

Лю Гуюй понятия не имел, как объяснить людям древности самолёты и полёты, поэтому лишь полушутя сказал:

— Да я шучу.

Цуй Ланьфан тут же облегчённо улыбнулась с видом «ну вот, я так и знала» и тоже рассмеялась вместе с ним.

Только Цинь Жунши, нахмурившись, продолжал смотреть на Лю Гуюя - на его ещё детском лице снова проступило выражение, слишком взрослое для его возраста.

После этого они ещё немного походили по лавкам, докупили кое-что для дома, зашли на рынок за овощами, которых не было в огороде, а потом на мясной ряд - там взяли пару свиных рёбрышек. Лишь после этого довольные отправились домой.

На этот раз в повозке не было неприятных попутчиков, поэтому ехали спокойно.

Лю Гуюй устроился у копны сена и, улыбаясь, сказал:

— Сегодня лотосовый корень свежий купили. Вернёмся, приготовлю вам сладкий лотосовый корень с османтусом.

Сладкое?

У Цинь Жунши едва заметно дрогнули уши, и он невольно посмотрел на Лю Гуюя. Тот тут же встретил его взгляд сияющими глазами, изогнувшимися полумесяцами.

«Так и знал, что этот мальчишка сладкое любит», — довольно подумал Лю Гуюй.

Даже Цинь Баньбань захлопала в ладоши от радости, уже предвкушая загадочный «сладкий лотосовый корень с османтусом». Цуй Ланьфан только беспомощно покачала головой, но в её глазах светились одна нежность и ласка.

Повозка докатилась до Шанхэ, и дядюшка Чжан остановил быка. Лю Гуюй закинул на спину корзину и позвал остальных слезать. На нём самом висела тяжёлая корзина, у обоих детей руки тоже были заняты покупками. Только Цуй Ланьфан сошла налегке, но стоило ей попытаться помочь, как все тут же её остановили.

Вместе с ними с повозки сошли ещё две женщины из деревни - добродушные соседки, которые с улыбкой заговорили:

— Ох, семья Цинь, вот уж вам повезло! И дети, и невестка такие заботливые!

— Смотрю, даже мясо купили. Значит, жизнь у вас теперь налаживается, Ланьфан, скоро совсем заживёшь!

...

Цуй Ланьфан только радостно кивала, и улыбка не сходила с её лица.

Попрощавшись с соседками, семья вернулась домой. Судя по солнцу, уже пора было готовить ужин. Лю Гуюй зачерпнул воды из чана, тщательно промыл мясо и овощи, затем сложил всё в плетёное сито и унёс на кухню.□□

Цинь Жунши ничего не сказал, но уже уселся у очага с охапкой сухих веток можжевельника - готовился разводить огонь.

В дверях показалась голова Цинь Банбань, и она громко крикнула в кухню:

— Брат! Брат Лю! Мы с мамой пошли в зал предков молотить зерно!

Лю Гуюй выглянул наружу и кивнул:

— Идите, идите.

Даже Цинь Жунши поднял глаза и добавил:

— Матушке нельзя поднимать тяжести. Возьмите тележку.

— Хорошо! — звонко ответила Банбань.

Мать с дочерью вместе вытолкали тележку со двора, и на кухне снова остались только Лю Гуюй и Цинь Жунши.

Лю Гуюй перемыл овощи, ошпарил рёбрышки кипятком, а потом, вылавливая их из кастрюли, сказал:

— Эрлан, помой чайник на печке. Будем ставить суп.

— Хорошо, — спокойно ответил тот.

Он поднялся, вынес чайник к сточной канавке во дворе, зачерпнул воды из чана и тщательно вычистил всё внутри и снаружи бамбуковой щёткой. Когда он вернулся, Лю Гуюй уже нарезал корень лотоса и имбирь.

Чайник поставили на печь, закинули туда рёбра и лотос, залили водой - пусть томится. Лишь после этого Лю Гуюй достал оставшиеся куски лотоса и принялся готовить сладкий лотосовый корень с османтусом.

Цинь Жунши подтащил маленькую скамеечку и сел у очага, следя за огнём. Он не смотрел на Лю Гуюя, только на пляшущие язычки пламени. Так прошло некоторое время, прежде чем он вдруг спросил:

— Ты хочешь оставить землю и обрабатывать её сам?

Лю Гуюй к этому моменту уже замочил клейкий рис и теперь промывал обычный - готовился варить ужин. Белый рис был дорогим, поэтому дома обычно ели грубый рис, смешанный с кукурузой, или кукурузные лепёшки с овощами.

Услышав вопрос, Лю Гуюй даже не прекратил работу. Он стряхнул воду с рук, высыпал промытый рис в котёл и лишь спустя несколько мгновений кивнул:

— Да, хочу оставить землю себе. У меня есть способ улучшить почву - если всё сделать правильно, урожай можно увеличить вдвое. Только... я пока знаю это лишь в теории, сам не пробовал. Не уверен, получится ли.

Сейчас способы удобрения были примитивными: чаще всего люди просто носили навоз на грядки или жгли солому, рассыпая золу по полям.

Лю Гуюй знал немало более продвинутых способов удобрения земли, но всё это были лишь теоретические знания, сам он никогда ничего подобного не пробовал и не был уверен, насколько это действительно работает.

Цинь Жунши повернул голову и посмотрел на него. Отблески огня плясали на половине его лица, окрашивая черты в тёплые тона. Он вдруг тихо усмехнулся и спросил:

— И это тоже вычитано в книгах господина Лю-сюэя?

Лю Гуюй на миг замер и удивлённо посмотрел на него. Цинь Жунши с явным интересом наблюдал за ним, взгляд у него был совсем не детский, никак не похожий на взгляд тринадцатилетнего мальчишки.

Лю Гуюй почувствовал лёгкую неловкость и поспешно отвёл глаза:

— Да... да, в книгах читал!

Цинь Жунши снова тихо усмехнулся и сказал:

— Тогда попробуем. Разве ты сам не говорил, что в мире всегда должен найтись тот, кто первым осмелится попробовать?

Голос его был негромким, но в кухне стояла тишина - слышно было только, как потрескивают дрова в очаге. Искры вспыхивали в пламени, словно крошечные фейерверки.

Что-то дрогнуло в душе Лю Гуюя, и он снова повернулся к Цинь Жунши. Тот тоже смотрел на него серьёзно и внимательно.

Немного помолчав, Лю Гуюй спросил:

— А ты не боишься, что я загублю вашу землю?

Цинь Жунши снова взглянул на него, потом молча отвёл глаза, переломил тонкую веточку в руках и подбросил её в огонь. И лишь потом тихо произнёс:

— Это и твоя земля тоже.

Суп с лотосом и рёбрышками томился больше часа, и аромат уже давно наполнил кухню. Лю Гуюй тем временем достал готовый сладкий лотос с клейким рисом и нарезал его ломтиками.

— Давай, попробуй! — радостно позвал он Цинь Жунши, поднося красиво оформленное блюдо.

Ломтики лотоса блестели от сиропа, сверху были посыпаны золотистым сушёным османтусом, а сладкий аромат смешивался с нежным запахом самого лотоса.

Цинь Жунши долго смотрел на тарелку, прежде чем сухо ответить:

— Не надо. Подождём матушку и Банбань, поедем вместе.

Несмотря на сказанное, его взгляд всё равно никак не отрывался от сладкого корня лотоса.

Лю Гуюй продолжал уговаривать:

— Ну попробуй! Матушка с Банбань ещё не скоро вернутся, помоги мне сначала вкус проверить. Ты же любишь сладкое!

Сейчас как раз шла жатва, у зала предков выстроилась очередь из тех, кто молот и очищал рис, так что Цуй Ланьфан с Банбань должны были задержаться.

Но стоило Лю Гуюю произнести последнюю фразу, как Цинь Жунши будто кошке на хвост наступили - он резко вскочил и, широко раскрыв глаза, возмущённо выпалил:

— Кто сказал, что я люблю сладкое?!

Похоже, он считал, что сладости любят только дети, а значит, такая слабость портит его образ. Лю Гуюй впервые увидел на его лице столь яркую, живую эмоцию - в этот момент в нём наконец-то проступило что-то по-настоящему мальчишеское.

Он расхохотался и, даже не спрашивая дальше, просто взял кусочек сладкого корня лотоса и сунул ему в рот. При этом ещё и нарочито выделит слова:

— Ах ты, мелкий! Ты хоть понимаешь, какой же ты позёр?

Не любит сладкое, значит?! Да в книге почти все сцены с вкусоностями и десертами были связаны именно с тобой!

Цинь Жунши хотел что-то возразить, но рот уже был занят сладким лотосом. Сироп из коричневого сахара с ароматом османтуса мгновенно растаял на языке, а клейкий рис внутри оказался мягким и сладким - вкус сразу отвлек его от всего остального.

Лю Гуюй наклонил голову набок и с сияющими глазами уставился на него:

— Ну как? Ну как? Ну как?!

Лицо было совсем близко - он даже наклонился, заглядывая прямо в глаза. Взгляд его был живой, яркий, и от него хотелось смотреть всё глубже и глубже.

Цинь Жунши помолчал, потом поспешно отвёл глаза и, не раскрывая рта, лишь тихо буркнул:

— Мм.

Но почти сразу почувствовал, что этого недостаточно, и всё-таки серьёзно добавил:

— Очень вкусно.

Только тогда Лю Гуюй довольно рассмеялся. Он заметил, как уши Цинь Жунши, скрытые волосами, медленно краснеют, но не придавал этому значения - решил, что тот просто смущается, потому что его разоблачили как сладкоежку.

«Всё-таки ему всего тринадцать, — с улыбкой подумал Лю Гуюй. — Совсем не похож ещё на того великого злодея из книги».

Продолжая улыбаться, он вернулся к кухне: обдал дикие овощи кипятком, выложил их в большую миску, добавил чеснок, острый перец, зелёный лук, кинзу, а затем заправил соевым соусом, уксусом и солью. Приправы были простыми, главное здесь был сам вкус свежей дикой зелени.

Когда всё было готово, снаружи послышался лай собак, а затем - скрип колёс тележки. Вернулись Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань.

Лю Гуюй как раз доставал из шкафа большую чашку для супа и, не отвлекаясь от дела, бросил Цинь Жунши:

— Сходи помоги им. Матушке нельзя таскать тяжести, а у Баньбань сил мало. Здесь я сам

справлюсь.

Но Цинь Жунши и без того уже поднялся, словно заранее собирался выйти. Он лишь коротко ответил:

— Хорошо.

И тут же вышел из кухни.

Лю Гуюй тихо усмехнулся и сам занялся столом: поставил складной столик, водрузил на него большую чашку с супом из рёбрышек и лотоса, рядом - сладкий корень лотоса с османтусом и салат из дикой зелени, после чего начал раскладывать рис.

Когда всё было готово, остальные тоже вошли. Мать с дочерью только что вымыли руки - с пальцев ещё капала вода. Лю Гуюй протянул им полотенце и сказал:

— Как раз вовремя. Давайте есть.

Аромат большой чашки с супом был просто невыносимо аппетитным. В грубой глиняной посуде бульон казался особенно насыщенным - сверху плавали золотистые капли жира, а зелёный лук делал запах ещё ярче.

— Вау! Как вкусно пахнет!

У Цинь Банбань тут же загорелись глаза, она широко улыбнулась, поспешно уселась на табурет и схватила палочки. Первым делом потянулась за рёбрышком, но тут же переложила его в чашку Цуй Ланьфан.

— Мама, попробуй скорее! Даже по запаху уже вкусно!

Теперь семья Цинь жила уже не так бедно, как раньше - время от времени они могли позволить себе белый рис и мясо. Но Цуй Ланьфан слишком привыкла экономить и всегда старалась оставить лучшее детям. Даже сейчас она первым делом потянулась к кусочку корня лотоса, а не к мясу.

Когда же ей всё-таки положили большое мягкое рёбрышко, она заулыбалась так, что не могла скрыть радости, и только повторяла:

— Ешьте, ешьте все!

Лишь на середине ужина Лю Гуюй снова заговорил:

— Мама, завтра я хочу взять Эрлана и сходить на Сяолюй. Через пару дней снова рыночный день, нужно заранее всё подготовить.

Больше всего его по-прежнему занимала торговля, и теперь это было самым важным делом для всей семьи.

Услышав это, Цуй Ланьфан даже замедлила движения палочками и серьёзно кивнула:

— Да, к этому надо готовиться заранее.

Семья продолжала ужинать в хорошем настроении, а за окном тем временем постепенно темнело. Осень уже вступала в свои права, ночи становились холоднее, ветер завывал всё сильнее. Но в доме было тепло: под чайником в очаге ещё тлели угли, и вся семья сидела у огня, спокойно доедая ужин. Горячий суп, горячие блюда - всё это согревало не только тело, но и душу.

На следующее утро Лю Гуюй и Цинь Жунши вышли ещё до рассвета. Лю Гуюй прихватил с собой корзину - он всё ещё помнил о бамбуковых грибах, найденных в прошлый раз в роще, и надеялся снова на удачу. Цинь Жунши лишь мельком взглянул на него, ничего не сказал и молча забрал корзину себе на спину. Так они и отправились - каждый с тесаком в руке. Лю Гуюй всю дорогу шёл вприпрыжку, что-то напевая себе под нос, настроение у него было на редкость хорошее. Цинь Жунши молчал, шёл следом с корзиной за спиной и всё время смотрел на него.

Наверное, мысль о новых заработках делала Лю Гуюя особенно счастливым - он улыбался каждому встречному, здоровался, а заметив у дороги дикую кошку, даже склонил голову и серьёзно спросил:

— Ну что, братец, ты тоже на рынок?

Кошка, конечно, ничего не поняла, только проскользнула мимо его ног и умчалась. Лю Гуюй даже не успел присесть и погладить её - от этого он ещё и тяжело вздохнул с сожалением.

Цинь Жунши спросил:

— Любишь кошек?

Лю Гуюй усмехнулся:

— Деньги я люблю всё-таки больше.

Эта прямота рассмешила даже Цинь Жунши. Он снова поднял взгляд на Лю Гуюя и увидел, что

тот уже идёт с закрытыми глазами, сложив ладони вместе и что-то бормоча себе под нос.

Цинь Жунши подошёл ближе, чтобы расслышать.

— День ото дня богаче... год от года богаче... деньги ко мне, деньги ко мне...

Цинь Жунши расхохотался уже по-настоящему - он мгновенно понял, что вместо привычного «день за днём» Лю Гуюй произносит «день ото дня богаче». Он и не думал, что это выражение можно так переиначить - получилось неожиданно забавно.

(ПП: Оригинальное выражение: 日復一日 - «день за днём» (буквально: «день повторяет день»). Оно описывает монотонное, повторяющееся течение времени. Лю Гуюй сказал: 日復一日 - здесь он заменяет иероглиф 日 (rì) - «повторять» на 日 (fù) - «богатство, богатеть». Получается «с каждым днём (становиться) всё богаче» или «день богатства, год богатства». То есть вместо скучной повседневности пожелание финансового процветания.)

Но, отсмеявшись, он вдруг резко схватил Лю Гуюя за запястье и громко сказал:

— Смотри под ноги! Впереди пень!

Лю Гуюя дёрнуло в сторону, он споткнулся и лишь через пару шагов удержал равновесие.

Когда он открыл глаза, рука Цинь Жунши всё ещё сжимала его запястье. Ладонь подростка была ещё не такой большой, но вполне могла обхватить его тонкое запястье. От прикосновения исходило неожиданное тепло.

Лю Гуюй на мгновение замер, а потом поспешно выдернул руку и пробормотал, слегка запинаясь:

— Ах ты, мелкий... а хватка-то у тебя сильная.

Когда запястье выскользнуло из его ладони, рука Цинь Жунши ещё мгновение так и висела в воздухе, будто застыв. Лишь потом он молча убрал её и, сохраняя совершенно бесстрастное лицо, пошёл вперёд. На этот раз впереди Лю Гуюя.

Лю Гуюй тут же догнал его и, шагая рядом, поднял руку, несколько раз сравнивая их рост.

— Эрлан, ты ведь подрост? Уже почти мне до уха достаёшь!

Он оживлённо размахивал ладонью: то клал её на голову Цинь Жунши, то на свою, будто старательно вычислял разницу в росте. Под его рукой волосы Цинь Жунши слегка примялись,

а тепло ладони оказалось даже приятнее утреннего солнца.

Кончики ушей у Цинь Жунши снова начали гореть. Боясь, что Лю Гуюй это заметит, он поспешно отвернулся и ускорил шаг, глухо бросив:

— Ты слишком много болтаешь.

Но Лю Гуюйнисколько не обиделся, тут же подбежал следом и фыркнул:

— А ты слишком мало!

Так, перешучиваясь и поддразнивая друг друга, они поднялись на гору Сяолю. А потом взялись за дело и быстро забыли обо всём остальном - начали рубить бамбук.

Бамбук рос быстро, особенно после недавнего дождя. Роща стояла густая, тихая, наполненная прохладным зелёным запахом свежих стеблей. Когда у ног уже лежало больше десятка срубленных бамбуковых стволов, Лю Гуюй решил, что этого достаточно, и окликнул Цинь Жунши. Они уселись на большой камень передохнуть.

Но Лю Гуюй и минуты спокойно не просидел.

— Пойду поищу бамбуковые грибы!

С этими словами он вскочил и, словно обезьянка, снова умчался в чащу - туда, где в прошлый раз нашёл бамбуковые грибы.

Только сегодня удача явно была не на его стороне. Он искал долго, но не нашёл ни грибов, ни даже молодых побегов бамбука. Цинь Жунши помогать не пошёл, лишь наблюдал, как Лю Гуюй всё дальше уходит в рощу, а потом приседает где-то среди стволов. Издали он и правда напоминал поникший грибочек.

Цинь Жунши невольно улыбнулся, даже не заметив этого.

И тут вдруг раздалось:

— Ай!

Улыбка мгновенно исчезла. Цинь Жунши нахмурился, резко поднялся и громко крикнул:

— Что случилось?!

В следующий миг Лю Гуюй уже выпрямился и, весело смеясь, поднял вверх серовато-белый гриб.

— Я нашёл маленький гриб!

Цинь Жунши: «...»

На мгновение Цинь Жунши даже не понял, что ему делать - смеяться или сердиться на эту бесконечную суету. Он лишь беспомощно смотрел, как Лю Гуюй бережно, словно сокровище, несёт к нему найденный гриб.

— Господин маленький учёный Цинь, ну-ка помоги мне! Этот гриб можно есть?

Лю Гуюй всё-таки вырос в современном мире и совершенно не разбирался, какие лесные грибы съедобны, а какие ядовиты.

Цинь Жунши бросил на него недовольный взгляд, тут же выбил гриб из его рук и коротко сказал:

— Ядовитый.

— Ох... — Лю Гуюй поморщился и пробормотал себе под нос: — Значит, «гриб - лёг и не встал»...

После этого он тяжело вздохнул и снова направился в чащу:

— Ладно, пойду ещё там посмотрю!

Цинь Жунши проводил его взглядом. Лю Гуюй скакал по роще вверх-вниз, будто в нём и правда не заканчивались силы. Цинь Жунши поджал губы, отвёл взгляд и снова сел на камень. У его ног лежал тот самый серовато-белый гриб. Маленький, с ещё совсем молоденькой шляпкой, даже милый на вид.

Он как раз задумчиво смотрел на него, когда из леса снова донёсся крик Лю Гуюя. Но на этот раз звук был совсем другим - вместе с ним послышался глухой шум падения.

Взгляд Цинь Жунши мгновенно стал острым. Он тут же вскочил и бросился в сторону звука, тревожно выкрикивая:

— Лю Гуюй!

Он подбежал и увидел, что Лю Гуюй сидит прямо на земле среди жёлтых сухих листьев бамбука, держась за ногу и кривясь от боли. Услышав, как он подбежал, Лю Гуюй даже нашёл силы поднять голову и, нахмурившись, буркнуть:

— Ах ты мелкий... никакого уважения к старшим!

Явно имея в виду, что Цинь Жунши снова назвал его по имени.

Цинь Жунши нахмурился так, что брови почти сошлись, и резко спросил:

— Что случилось?

Только тогда Лю Гуюй скривился и проворчал:

— Кажется... меня змея укусила.

Цинь Жунши: «...»

«Кажется»?

Он нахмурился ещё сильнее, подошёл ближе, присел рядом и посмотрел на щиколотку, которую Лю Гуюй держал руками.

— Кажется? Ты не видел её?

Лю Гуюй и правда покачал головой. Более того, пока рассказывал, ещё и руками размахивал, так живо всё изображая, что Цинь Жунши даже потерял дар речи: как в такой момент можно ещё улыбаться?

— Я правда не разглядел! Только слышу - в траве что-то зашуршало, а потом что-то скользкое мне по штанине ширкнуло. Я так перепугался, что с размаху наступил! Оно такое скользкое, мягкое... а потом мне как кольнёт в ногу! Смотрю вниз, а эта тварь уже извернулась и шмыгнула у меня прямо между ног!

Цинь Жунши: «...»

Он помолчал, тяжело потер лоб и сквозь зубы спросил:

— ...Ты же сказал, что не видел её?

При этом он уже торопливо закатывал Лю Гую штанину, пытаясь рассмотреть рану. Если это была неядовитая змея, ещё ладно, поболит и пройдёт. Но если ядовитая...

От этой мысли лицо Цинь Жунши стало ещё напряжённее: зрачки сузились, мышцы на щеках едва заметно дрогнули, пальцы начали подрагивать.

Лю Гуюй, сидя на земле, сам задрал широкую штанину, открывая тонкую белую голень. На щиколотке всё ещё выступала кровь.

Он пробормотал:

— Да не видел я толком. Она через сухую траву и листья уползла. Только заметил, как под бамбуковой шелухой что-то буграми шевельнулось, и шшух, уже нету.

Хотя он и не успел разглядеть змею, ещё до того, как Цинь Жунши подбежал, он уже успел осмотреть рану. Два ряда мелких частых зубов и ярко-красная кровь - явные признаки укуса неядовитой змеи. Именно поэтому он всё ещё мог шутить.

Но теперь Лю Гуюй молчал, просто опустил глаза и смотрел на Цинь Жунши. Тот стоял перед ним на одном колене, одной рукой придерживая штанину, и долго, внимательно разглядывал рану. И лишь спустя время наконец облегчённо выдохнул.

Тёплое дыхание коснулось укуса - по коже сразу пробежала странная дрожь, и у Лю Гуюя будто половина тела онемела. Он поспешно опустил штанину и неловко пробормотал:

— Да ладно, почти не болит... не надо дуть.

Цинь Жунши едва не рассмеялся от раздражения. Он поднялся, опираясь на колено, и резко ответил:

— Кто тебе дул?!

Несмотря на ворчание, Цинь Жунши всё же протянул руку, явно собираясь помочь Лю Гуюю подняться. Тот без всяких церемоний шлёпнул ладонью по его руке, опёрся и встал.

— Похоже, мы с этой горой друг другу не подходим. В следующий раз сюда лучше не ходить, — пробормотал он.

Он явно намекал на прошлый раз, когда Цинь Жунши порезался тесаком, рубя бамбук.

Цинь Жунши бросил на него сердитый взгляд:

— Сейчас не время шутить.

Лю Гуюй только беспечно пожал плечами:

— А что ещё делать? Один день живёшь, два дня живёшь... Если уж Король Яма захочет забрать меня в третью стражу...

Цинь Жунши ничего не сказал, лишь тяжело выдохнул - видно было, что терпение у него на пределе. Но в следующую секунду Лю Гуюй невозмутимо продолжил:

— Тогда я лучше сам к нему во вторую явлюсь. Может, хорошее впечатление произведу.

Цинь Жунши: «...»

— Замолчи.

— Есть! — тут же послушно ответил Лю Гуюй.

Он действительно замолчал, даже провёл пальцами по губам, будто застёгивая молнию.

Цинь Жунши тихо вздохнул - казалось, рядом с Лю Гуюем он устаёт сильнее, чем от самой рубки бамбука.

В итоге они и грибов не нашли, и ногу Лю Гуюй умудрился змее подставить. Опираясь на Цинь Жунши, он вернулся к месту, где лежали срубленные бамбуковые стволы, и с тоской уставился на кучу. И тут как раз мимо пробежала стайка мальчишек лет десяти - шумные, с деревянными мечами, они играли в великих полководцев.

Лю Гуюй повернул голову и громко окликнул:

— Эй, великие генералы, постойте!

«Генералы» и правда тут же остановились. Один из них обернулся, встряхнув короткой косичкой на затылке, и глаза у него засияли - видно было, как ему польстило такое обращение.

Лю Гуюй заговорил серьёзным тоном:

— Господа генералы, выручайте! Помогите донести бамбук до моего дома, а я угощу вас сладостями!

Стоило прозвучать слову «сладости», как глаза у мальчишек загорелись ещё ярче.

— Правда? Не врешь? — сразу спросил один из них.

В деревне дети редко ели сахар, разве что по праздникам. Так что сладости были настоящим сокровищем.

Лю Гуюй с важным видом хлопнул себя по груди:

— Честное слово!

«Генералы» радостно загалдели, подбежали к бамбуку, схватили стволы и дружно потащили их вниз по склону.

Лю Гуюй довольно приподнял бровь и бросил на Цинь Жунши взгляд, полный самодовольства:

«Ну что, видишь? Учись!»□□

Цинь Жунши одновременно хотелось и смеяться, и вздыхать от бессилия. Он долго смотрел на Лю Гуюя, прежде чем спросить:

— Ну как? Идти сможешь?

Лю Гуюй кивнул и, опираясь на его руку, заковылял вниз по склону, приговаривая:

— Пустяки, пустяки.

Так они и спускались - впереди шумная ватага мальчишек, а позади, медленно и прихрамывая, Лю Гуюй с Цинь Жунши.

Дети пронеслись вихрем, привлекая внимание деревенских. Одна женщина даже закричала вслед:

— Эй, Гоуа! Ты домой ужинать-то вернёшься?!

— Вернусь! — во всё горло отозвался «генерал» Гоуа, бежавший впереди всех.

Постепенно Лю Гуюй с Цинь Жунши совсем отстали от ребят, но несколько мужчин в поле выпрямились и с удивлением окликнули:

— Эй, Лю-гэр! Что с ногой? Как это ты после похода в горы хромаешь?!

Лю Гуюй только махнул рукой:

— Змея укусила.

— Ай-яй, в следующий раз осторожнее! — заохали мужчины.

Перекинувшись ещё парой слов, они наконец добрались до дома. Тем временем мальчишки уже свалили бамбук во дворе и всю уплетали засахаренные лотосовые семечки - от сладости глаза у них прямо щурились. Узнав от Гоуа, что Лю Гуюй пообещал им сладости за помощь, Цуй Ланьфан тоже не поскупилась: вернулась в дом, вынесла целую пригоршню засахаренных лотосовых семечек и раздала детям.

Белые семечки, покрытые сахарной корочкой, таяли на языке - сладость доходила до самого сердца. Каждому досталось по несколько штук, и дети осторожно облизывали их, стараясь растянуть удовольствие.

— Спасибо, тётушка Цинь! Спасибо, старшая сестра Баньбань! Бамбук доставили, теперь домой! — громко объявил Гоуа, стоя впереди всей ватаги.

Цинь Баньбань была самой младшей в семье, даже соседская Ло Майэр была старше её, поэтому «старшей сестрой» её называли редко. Услышав это, она невольно выпрямилась и с важным видом кивнула:

— Идите, только осторожно по дороге.

Цуй Ланьфан ничего не сказала, только улыбнулась детям и кивнула.

— Ура! — завопил Гоуа и снова умчался со своей компанией.

И именно в этот момент вернулись Лю Гуюй и Цинь Жунши. Невысокий Цинь Жунши поддерживал Лю Гуюя, который хромал и еле шёл. На плечах болталась пустая корзина - кроме бамбука, они ничего не принесли.

— Небо милостивое! Что случилось?! — улыбка тут же исчезла с лица Цуй Ланьфан. Она поспешно подбежала, перехватила Лю Гуюя у Цинь Жунши и велела Баньбань принести во двор маленькую скамеечку.□□

Лю Гуюй, опираясь на них, сел на скамеечку и небрежно махнул рукой:

— Всё нормально, всё нормально. Просто вспугнул змею и не успел увернуться, вот и цапнула.

Сказал он это легко, но Цуй Ланьфан от страха сразу побледнела и поспешно присела, пытаясь рассмотреть его ногу. Но, вспомнив, что во дворе стоит уже взрослый парень, Цинь Жунши, она тут же спохватилась и обернулась к нему:

— Эрлан, быстро к лекарю Ваню! Принеси мазь!

Она и не подозревала, что Цинь Жунши уже видел его ногу - сам закатывал штанину и осматривал рану. Но он ничего не сказал. В глубине души он понимал, что тогда ситуация была срочной, но всё же Лю Гуюй формально оставался его старшей невесткой, и о таком вслух говорить было неловко даже матери.

Он молча кивнул, зашёл в дом за кошельком и быстро ушёл. Вернулся он довольно скоро. Во дворе уже никого не было - мать успела увести Лю Гуюя в комнату. В руках Цинь Жунши держал тёмную глиняную чашу с густой зелёной мазью, от которой шёл резкий лекарственный запах. На вид она была не слишком приятной, но в деревне людей нередко кусали змеи, и все обычно шли к лекарю Ваню. Если змея неядовитая, такой мази вполне хватало, и помогала она быстро.

Цинь Баньбань ждала снаружи. Увидев брата, она тут же подбежала, схватила чашу и, даже не успев ничего сказать, сразу понеслась обратно в комнату:

— Мама! Лекарство принесли!

Цинь Жунши посмотрел ей вслед. Разумеется, он не мог войти сам, поэтому просто прислонился спиной к двери и, опустив голову, замер в молчании.

В комнате.

Лю Гуюй полулежал на кровати, штанина была закатана почти до колена, открывая укушенную щиколотку. Кровь уже перестала идти, но засохшие тёмные следы всё ещё липли к коже. Цуй Ланьфан осторожно вытирала их влажной тряпицей.

Услышав голос Цинь Баньбань, она тут же обернулась:

— Быстрее, давай сюда!

И, вздыхая, добавила:

— В горах полно змей и всякой живности... в следующий раз поменьше туда ходите.

Лю Гуюй тоже вздохнул:

— Не выйдет. Нам для торговли нужны бамбуковые трубки, а хороший бамбук только на Сяолые.

Цуй Ланьфан снова тяжело вздохнула.

Лю Гуюй тут же нарочно повторил за ней, ещё протяжнее. Так они и сидели, словно соревнуясь, кто жалобнее вздохнёт. В конце концов Цуй Ланьфан не выдержала и рассмеялась. Она легонько ткнула Лю Гуюя в лоб и решительно сказала:

— Тогда будем платить людям! Денег сейчас мало, но не настолько, чтобы ради нескольких бамбуковых трубок жизнью рисковать! Я потом сама схожу к старосте и скажу, что семье Цинь нужны бамбуковые трубки и шпажки.

Цуй Ланьфан была самым экономным человеком в доме, но именно она сейчас первой предложила тратить деньги. Лю Гуюй тут же довольно хихикнул, прижался головой к её руке и напомнил:

— Мама, ещё и бамбуковые ложечки нужны.□

Цуй Ланьфан погладила его по голове и с улыбкой ответила:

— Знаю, знаю.

После этого она взяла чистую бамбуковую лопаточку, зачерпнула мазь и толстым слоем нанесла её на рану у щиколотки, а затем туго перебинтовала длинной полосой грубой ткани.

Лю Гуюй всё ещё ворчал:

— А через два дня уже рынок... Мы ведь с тётушкой Линь договорились вместе в Восточный рынок ехать торговать.

Цуй Ланьфан снова похлопала его по голове и мягко сказала:

— Сначала нога заживёт, а потом поговорим. Пара дней ничего не решит.

Стоявшая рядом Цинь Баньбань послушно закивала в знак согласия.

Поняв, что спорить бесполезно, Лю Гуюй лишь откинулся на подушку и нехотя согласился. Снаружи, у двери, Цинь Жунши тоже слышал весь разговор и только теперь наконец немного

успокоился.

Он машинально обернулся назад, но увидел лишь старую деревянную дверь, покрытую пятнами плесени. Сквозь неё ничего нельзя было разглядеть, но из комнаты всё равно доносился смех Лю Гуюя.

И сам не заметив как, Цинь Жунши тоже чуть улыбнулся.

<http://bllate.org/book/17177/1637783>